

В.А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, Т.С. ТИХОНОВА

РИМСКИЙ ГЛАДИУС ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ГОРГИППИИ

В разработке вопросов, связанных с историей и культурой Боспорского царства первых веков н.э., изучению военного дела принадлежит особое место, поскольку с самого начала своего существования это государство оказалось втянутым в сложные, подчас враждебные отношения с соседними государствами и окружающими варварскими племенами. К сожалению, в наших знаниях по данной проблеме до сих пор наблюдаются значительные лакуны, во многом обусловленные состоянием имеющихся источников. Прежде всего, это касается римского влияния на военное дело Боспора в тот период, когда он оказался в сфере влияния империи¹. Отчасти достижения римского военного искусства были восприняты здесь даже несколько ранее, в финале Митридатовых войн. Примечательно, что отборную часть войска Митридата VI Евпатора, собранного им на Боспоре в 63 г. до н.э. для продолжения военных действий против Рима, составляли шестьдесят отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr., 108). Возможно, именно с этого времени созданная по образцу когорты спира стала основной тактической единицей регулярных частей боспорской армии², которые, как можно предполагать, дублировали соответствующую римскую организационную структуру³. Что касается использования в них оружия римского образца, то оно не получило широкого распространения на территории Боспорского царства, хотя упоминание об оснащенных им с помощью римлян местных воинах⁴ мы находим у Тацита в описании войны 45-49 гг. н.э. с мятежным царем Митридатом VIII (Tac. Ann. XII, 16). В дальнейшем оно могло поступать на Боспор с римскими солдатами, принимавшими участие в совместных военных действиях или благодаря торговле. Возможно, какую-то роль в этом отношении играли и боспорцы, отслужившие во вспомогательных войсках, размещенных в различных областях Римской империи⁵, и затем вернувшиеся на родину.

Недавно число чрезвычайно редких находок

предметов римского наступательного и защитного вооружения пополнил уникальный не только для Боспора, но и всего Северного Причерноморья, гладиус⁶ из погребения конца I – начала II в. н.э., обнаруженного в некрополе Горгиппии (рис. 1, 1)⁷. Штырь его рукояти, постепенно расширяющийся к основанию клинка, имеет длину 13,8 см. От самой рукояти, изготовленной из дерева, остался фрагмент бронзовой оковки, зафиксировавший ее ширину - 3 см. Сам клинок практически одинаковой ширины (4-4,4 см) при сохранившейся длине 27,8 см первоначально имел явно большие размеры, не менее 40-55 см. Об этом можно судить по положению скреплявших ножны двух гладких бронзовых скоб с кольцами для подвешивания⁸, расположенными на расстоянии 11,2 см друг от друга. Все кольца имеют внешний диаметр 2,1 см и внутренний - 1,6 см. Общая длина одной из скоб, сохранившейся целиком, составляет 5,4 см, а ширина - 0,8 см. Судя по ее форме и фиксирующейся ширине ножен, меч относится к так называемому «помпейскому» типу и датируется серединой - концом I в. н.э.⁹ Размещение его с левой стороны от погребенного не соответствует общепринятой традиции ношения такого оружия у римлян, которая, впрочем, со второй половины I в. н.э. не всегда строго соблюдалась¹⁰.

Отметим близость к типу римского гладиуса другого короткого меча из того же некрополя. Он был найден в погребении I-II вв. вместе с фрагментами костяных ножен¹¹. На сделанной из того же материала рукояти, имеющей навершие трехчастной формы, покоилась кисть левой руки погребенного. Сохранившийся большей частью остроконечный клинок горгиппийского меча имел длину около 50 см при ширине 5 см у основания (рис. 1, 2). В этой связи определенный интерес представляет рельеф I в. н.э., изображающий триаду пальмирских богов в виде военачальников высокого ранга (рис. 2). Их одежда и вооружение римского образца переданы детально и с большой тщательностью. Каждый из

персонажей рельефа держит левую руку на рукояти меча с навершием, по форме напоминающим горгиппийское. При этом меч, размещенный слева, подобно гладиусу, имеет на ножнах крепления из двух скоб с кольцами¹².

Ранее использование на Боспоре мечей типа римских гладиусов было засвидетельствовано только фрагментом росписи начала II в. из Стасовского склепа 1872 г.¹³, где представлен на марше небольшой военный отряд (рис. 3). Слева изображены трое пехотинцев с плоскими овальными щитами, каждый из которых держит в правой руке два копья одинаковых размеров. Далее тяжеловооруженный воин с аналогичным комплектом наступательного вооружения, дополненным каркасным шлемом и длинным, до колен, чешуйчатым панцирем поверх кафтана красноватого оттенка с длинными рукавами. У всех этих воинов короткие мечи находятся справа, на манер обычного размещения гладиусов, и это не единственная деталь, демонстрирующая римское влияние. Обращает на себя внимание следующий момент: во главе отряда шествует облаченный в защитный доспех знаменосец, на ногах которого зеленые штаны и мягкие белые сапожки. В руках он держит вексиллум - войсковой штандарт в виде копья с прикрепленным к перекладине прямоугольным куском материи с кистями¹⁴. Такие «знамена», выполнявшие две основные функции - сакральную и тактическую, использовались в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты¹⁵. Присутствие на фреске подобного воинского знака не должно вызывать удивления, поскольку с помощью значков было значительно легче управлять войсками в бою. В отношении распространения в Причерноморье этого времени практики использования подобных эмблем интересно сообщение Луция Флора о том, что фракийский царь Реметалк, пришедший к власти в 11 г. до н.э., «приучил варваров и к военным значкам, и к дисциплине, и даже к римскому оружию» (Flor. XXVII. 17).

Возможно, в рассмотренной сцене представлены воины какого-то элитного подразделения, размещавшегося в Пантикапее, например, фракийской спиры, упомянутой в грекоязычной эпитафии Диза, сына Бифия (II в. н.э.), где сказано, что он был *κεντυρίων 'ο καί πρίνκιψ* (КБН, № 666). В свое время это считалось свидетельством временного пребывания на Боспоре римских войск, и в частности, I, V или VI Фракийской когорты¹⁶, хотя еще М.И. Ростовцев высказался в пользу

местного происхождения этого воинского формирования¹⁷. Сейчас многие исследователи склоняются к его точке зрения, ведь, судя по имени и совместному погребению с женой Еленой, Диз не имел римского гражданства и прожил на Боспоре довольно длительное время¹⁸. Дополнительным указанием на принадлежность фракийской спиры к боспорской армии служит упоминание о командовании ею в одной из пока еще не изданных пантикапейских надписей в перечне этапов воинской карьеры чествуемого лица из окружения царя Савромата I¹⁹.

Должность, указанная в эпитафии, переводилась составителями КБН как «центурион и начальник отряда фракийцев», но тогда непонятно, почему Диза не называют просто спирархом, да и скромный характер известнякового надгробия не убеждает в том, что это был военачальник достаточно высокого ранга. Не исключено, что *κεντυρίων 'ο καί πρίνκιψ* - это просто греческая «калька» с латинского *centurio princeps*. В римских вспомогательных войсках так именовали старшего центуриона когорты²⁰. В III-IV вв., судя по ряду пантикапейских надписей, название этой должности существует в сокращенном, но, тем не менее, всем понятном варианте - *πρίνκιψ* = *πρίνκιπος* (КБН, № 35, 744, 811).

Существование на Боспоре воинских частей римского образца облегчало взаимодействие с подразделениями римской армии в случае возникновения потенциальной угрозы интересам империи в северопричерноморском регионе в тот период, когда отношения между этими двумя государствами в военно-политической сфере окончательно устоялись. На своих границах правители Боспора, как и другие вассальные по отношению к Риму цари, должны были поддерживать дружеские отношения с соседними варварскими вождями, наблюдать за передвижениями кочевых племен, охранять от набегов подвластное оседлое население и по возможности воздерживаться от прямых военных акций, направленных извне²¹. Только крупные операции наступательного характера - нанесение внезапного удара по важнейшим центрам противника и глубокое проникновение в его тыл - несомненно, должны были согласовываться с римской администрацией провинции Вифиния-Понт или непосредственно с императором и могли сопровождаться поставками оружия боспорским царям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О взаимоотношениях Боспорского царства с Римом и римском военном присутствии на берегах Боспора Киммерийского см.: Цветаева Г.А. Боспор и Рим. - М., 1979; Блаватский В.Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. // *Античная археология и история.* - М., 1985, с. 228-233; Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее // *ВДИ 2.* - 1993, с. 51-73; Шукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. - I в. н.э. в Центральной и Восточной Европе. - СПб., 1994; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. - Киев, 1998; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. - М., 2002; Sarnovski T. *Wojsko rzymskie w Mezii Dolnej i na polnocnym wybrzeżu Morza Czarnego.* - Warszawa, 1988, s. 135-165.
2. Впервые Митридат VI пытался использовать сокрушительную тактику римлян в 69 г. до н.э., распределяя переданные ему Тиграном Великим войска на отряды и спира (App. Mithr. 87). Наличие в армии понтийского царя достаточного числа римских перебежчиков (Ср.: App. Mithr. 110), способных заняться обучением воинов, вполне позволяло это сделать. Сам греческий термин «спира» (или синтагма) применяется применительно к армиям преемников Александра Македонского для обозначения воинского подразделения численностью 256 человек. У Полибия он нередко используется для обозначения римского манипула, самой мелкой тактической единицы легиона, насчитывавшей 140 человек (См.: Connolly P. *Greece and Rome at war.* - London, 1981, p. 69, 77). В дальнейшем этот термин нередко применялся для обозначения пехотного отряда, примерно равного по численности римской когорте (Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // *ЖМНП 3.* - 1900, с. 145; Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. - М., 1954, с. 148). В одной из пантикапейских надписей I в. до н.э. упоминается спирарх Гаттиан (КБН, № 263). См. также: Блаватский, Очерки военного дела..., с. 145; Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. - М., 1990, с. 144; Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. - М., 1993, с. 238.
3. Зубарь, Северный Понт и Римская империя..., с. 84.
4. Ср. с ситуацией, сложившейся на территории Понтийского царства после превращения его при Нероне в римскую провинцию, когда бывший царский гарнизон города Трапезунда получил, по словам Тацита, «значки и оружие, принятые в нашей армии» (Tac. Hist. III. 47).
5. Holder P.A. *Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan* // *BAR 70. Int. Ser.* - Oxford, 1980, p. 229, 266-267; Mielczarek M. *The Army of the Bosporan kingdom.* - Lodz, 1999, p. 98.
6. До сих пор в этом регионе были известны только металлические детали и костяные бутероли ножен римских мечей, найденные в Тире, Ольвии, Херсонесе, в святилище у перевала Гурзуфское седло и в Прикубанье (Черненко Е.В., Зубарь В.М., Сон Н.А. Бутероль из Тире // *СА 2.* - 1989, с. 250-252; Сон Н.А., Назаров В.В. Знахідки римської зброї в Тірі та Ольвії // *Археологія 1.* - 1993, с. 121-124; Беглова Е.А., Эрлих В.Р. Деталь римского меча из могильника у станицы Тенгинской // *РА 2.* - 1998, с. 173-176; Зубарь, Антонова, 2001, с. 122-124; Дорошко В.В. Новые находки римского военного снаряжения с территории Южного Крыма // *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Ч. I.* - Киев, 2004 с. 49-53.
7. Погр. 1а в раскопе по ул. Терская, 84. Раскопки проводились Т.С. Тихоновой в 2002 г.
8. Ср.: Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское седло // *ВДИ 2.* - 1998, с. 52, рис. 1, 4; Она же. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское седло. - Ялта, 2002, с. 81, рис. 35, 4, 5; Дорошко, Новые находки римского военного снаряжения..., с. 51, рис. 2.
9. Curle J. *A Roman Frontier Post and its People. The Fort of Newstead in the Parish of Melrose.* - Glasgow, 1911, d. 183; Braat W.C. *Römische Schwerter und Dolche im Rijksmuseum van Oudheden. Oudheidkde.* - Mededel, 1967. T. 48, s. 56-61, taf. 2,3; Ulbert J. *Gladii aus Pompeji // Germania 47.* - 1969, s. 196, taf. 17, 21; Connolly, *Greece and Rome at war...*, p. 232-233.
10. Впрочем, отступление от нее у римских солдат зафиксировано Иосифом Флавием для периода Иудейской войны 66-70 гг.: «Пешие воины оснащены панцирями и шлемами и на каждом боку имеют по мечу, из которых более длинный расположен слева...» (Jos. Fl. Bell. Jud., III. 5).
11. Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954-1964 гг. // *Горгиппия. Т. II.* - Краснодар, 1982, с. 120-121, рис. 3, 1.
12. Чубова А.П., Касперавичюс М.М., Саверкина И.И., Сидорова Н.А. Искусство Восточного Средиземноморья I-IV веков. - М., 1985, с. 95, рис. 45.
13. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. - СПб., 1913, табл. LXXXI, 2; Ср.: Блаватский, Очерки военного дела..., с. 146-147; Mielczarek, *The Army of the Bosporan kingdom...*, p. 218.
14. Единственный vexillum, сохранившийся до наших дней, находится в собрании Гос. Эрмитажа (Блаватский, Очерки военного дела..., илл. к с. 126). Он датируется III в. н.э. и происходит из Египта, где уникальные климатические условия обеспечивают прекрасную сохранность многих древних изделий из органических материалов (Rostovtzeff M.I. *Vexillum and Victory* // *Journal of Roman Studies 34.* - 1942, p. 92-106). Это льняное полотнище алого цвета размерами 50 x 47 см, на котором изображена богиня победы - Виктория, стоящая на земном шаре. Правой рукой она протягивает лавровый венок, а в левой держит пальмовую ветвь. Обычно такие штандарты увенчивались металлическим навершием в виде бронзовой фигурки орла или животного - покровителя данной воинской части.
15. Колобов А.В. Штандарты римской армии эпохи принципата // *ПИФК X.* - 2001, с. 38-44.
16. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. - М.-Л., 1949, с. 334; Герасимова В. Дислокация на римские помощни войски в провинции Мизия от 44 до 86 г. на н.э. // *Археология 4.* - 1970, с. 25; Цветаева, Боспор и Рим..., с. 39; Cichorius C. *Cohors* // *RE VII.* - 1901, sp. 277.
17. Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // *ИАК 40.* - 1911, с. 39.
18. Крыкин, Фракийцы в античном Северном Причерноморье..., с. 239; Зубарь, Северный Понт и Римская империя..., с. 84-85; Сапрыкин С.Ю. Неопубликованная эпитафия из Горгиппии // *ВДИ 1.* - 2001, с. 191.
19. Vinogradov J.G. *Greek Epigraphy of the Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990)* // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. I.* - 1994, p. 74.
20. Ле Бозк Я. Римская армия эпохи ранней империи. - М., 2001, с. 64.
21. Ср.: Gracey M.H. *The Armies of the Judaen client kings* // *BAR 297 (i).* - 1986, p. 312.

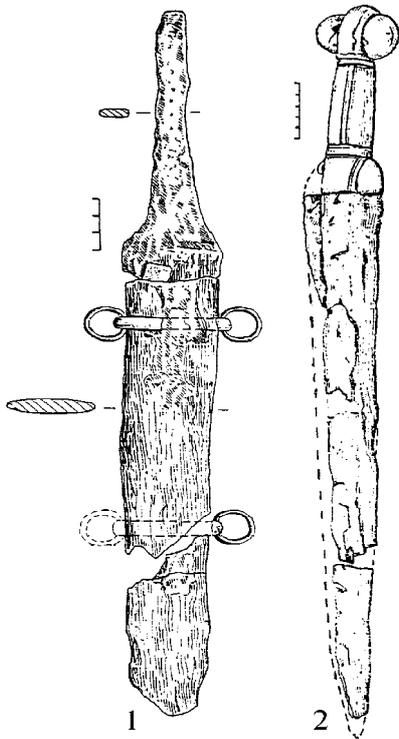

Рис. 2. Известняковый рельеф из Пальмиры с изображением триады богов. I в.

Рис. 1. Короткие мечи I-II вв. из раскопок некрополя Горгиппии:

- 1 - гладиус с металлическими деталями крепления ножен;
- 2 - меч с костяной рукоятью

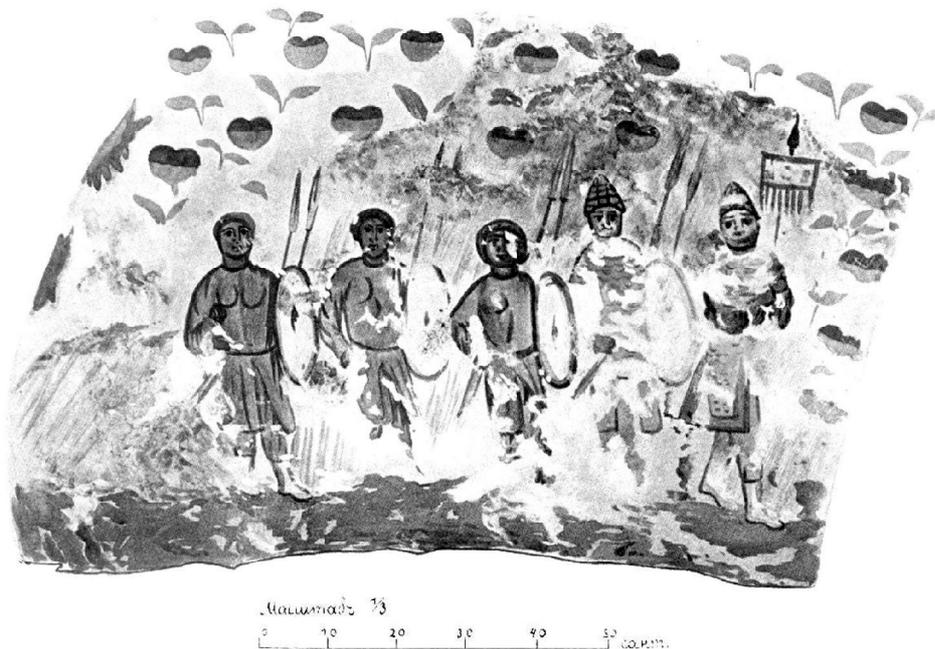

Рис. 3. Отряд боспорских пехотинцев. Фрагмент росписи Стасовского склепа 1872 г.